

УДК 94(470.51)''192'':323.325(045)

*О.Г. Клецкина***ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ФИСКАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КРЕСТЬЯН НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН РСФСР В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1920-х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАЗОВСКОГО УЕЗДА ВОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)**

Статья представляет собой попытку выявления общих характеристик участия крестьян в инициированной большевиками политической жизни в границах сельских поселений, волостей Глазовского уезда Вотской автономной области. Автор раскрывает социально-экономический контекст функционирования сельских Советов и волостных исполнительных комитетов первой половины 1920-х гг. Материалы исследования показывают неоднозначное отношение крестьян к советской власти. Архивные источники свидетельствуют о распространенности практики уклонения крестьян от сдачи установленного продовольственного налога. Нарушения налогового законодательства со стороны крестьян и председателей волостных исполнительных комитетов воспринимались советской властью как проявления социальной патологии и рассматривались трибуналом. Порицаемое властью поведение крестьян было продиктовано стремлением выжить в условиях голода 1921 г. Выдвижение состоящих в РКП(б) крестьян в волостные исполнительные комитеты осуществлялось для повышения результативности государственного управления. Итоговые обобщения сформулированы автором на основе анализа связанных с территорией Глазовского уезда исторических фактов.

Ключевые слова: большевики, голод, исполнительный комитет, крестьянство, продналог, трибунал.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-6-1232-1241

Первую половину 1920-х гг. в истории РСФСР следует рассматривать в качестве первого относительно мирного этапа становления советской государственности. В этот период большевики искали меры, способные обеспечить равновесие между потребностью в обложении крестьянских хозяйств прямым налогом, частично покрывающим расходы по восстановлению народного хозяйства страны, и необходимостью удержания крестьянства в орбите своего влияния для упрочнения социальной опоры советской власти. Дилемма, с которой при разработке социально-экономического курса столкнулись большевики в начале 1920-х гг., представляет исследовательскую проблему, требующую научного разрешения. Изучение случаев нарушения крестьянами налогового законодательства, фиксация уникальных и типичных характеристик их политического поведения в первую половину 1920-х гг. способны вычленивать факторы лояльного отношения сельских жителей к советской власти в условиях, когда значительная часть прибавочного продукта крестьянских хозяйств изымалась государством. В формате заявленного исследования удалось обобщить исторические факты, демонстрирующие особенности восприятия политики советской власти и ее налогового пресса крестьянами Глазовского уезда, выведенного из состава Вятской губернии и переданного по декрету ВЦИК от 5 января 1921 г. учрежденной Вотской автономной области (далее – ВАО) [9, с. 30].

Проблема взаимодействия местных Советов и крестьян в первую половину 1920-х гг. раскрыта в отечественной историографии с разных аспектов. Т. М. Говоренкова в комментариях к научным воззрениям Л. А. Велихова по вопросам самоорганизации местного населения (1926) упоминает о применении практики принятия индивидуальных решений по отдельным местностям при проведении выборов в местные Советы в первые годы советской власти [4, с. 73]. Политическая сущность и полномочия сельских Советов нашли отражение в изысканиях А. Н. Бурова. По его мнению, сельские Советы, выступавшие в идейных построениях большевиков институтом привлечения крестьян к решению политических и хозяйственных задач, в сложившейся в 1920-е гг. действительности считали своей главной функцией «не помощь деревне, а выполнение руководящих указаний сверху и неукоснительный сбор налогов» [3, с. 88]. Влияние доктринальных установок большевиков на процесс пролетаризации сельского населения подвергается анализу в монографии И. А. Анфертьева. Ученым выявлено, что положительное отношение большевиков к приему крестьян в партию быстро потеснил ориентир на проведение чистки партийных рядов, гарантирующей исключение из местных организаций отдельных представителей крестьянства, прежде всего, за корыстную или идейную связь с кулаками, а также растрату государственных или общественных средств [1, с. 201, 204, 211, 214]. Следует отметить, что события первой половины 1920-х гг., непосредственно связанные с территорией Уд-

муртии, нашли отражение в исследованиях региональных историков. Работы Л. Н. Бехтеревой, О. И. Васильевой, И. К. Калинина, В. К. Попова, Н. А. Родионова внесли существенный вклад в процесс написания истории Удмуртии 1920-х гг., в раскрытие общего и особенного в историческом развитии ВАО как неотъемлемой части РСФСР [2; 6; 7; 8]. Вместе с тем спектр научных изысканий региональных историков не затрагивает все аспекты деятельности сельских Советов и волостных исполнительных комитетов (далее – волисполкомов), в т. ч. по вопросам их состава, отбора способов принуждения крестьян к сдаче продналога, что предопределяет актуальность исследования архивных источников, содержащих информацию об организационных основах и функционировании советских органов власти и управления в границах конкретных волостей и уездов.

Целью статьи выступает выявление роли и места сельских Советов и волисполкомов первой половины 1920-х гг. в механизмах встраивания крестьянских активистов в советскую систему государственного управления и формирования ответственного отношения крестьян к фискальным обязанностям, осуществляемое с опорой на исторические факты, раскрывающие особенности протекания изучаемого социально-политического процесса в Глазовском уезде, в структуре населения которого значительную долю составляли удмурты. Основную группу источников образуют нормативные акты, циркуляры государственных органов, решения РКП(б), деловая переписка, отчеты, анкеты Глазовского уездного комитета РКП(б), приговоры революционного трибунала ВАО, протоколы народного суда, а также делопроизводственные документы финансового отдела областного исполнительного комитета ВАО. Описание индивидуального отношения крестьян к продналогу и обобщение проявлявшегося в поступках крестьян персонифицированного осмысления авторитетности местных Советов в совокупности способны сформировать представление о степени эффективности избранных большевиками методов повышения уровня политической активности крестьян.

Начать рассмотрение территориальной специфики уместно с осмысления общей концепции деятельности Советов на местах, в разработке которой участвовал В. И. Ленин. В работе «Очередные задачи Советской власти», подготовленной в апреле 1918 г., он указал на близость Советов к широким трудящимся массам: «Буржуазные парламенты даже лучшей в мире по демократизму капиталистической республики беднота никогда не считает “своими” учреждениями. А Советы – “свое”, а не чужое для массы рабочих и крестьян» [5, с. 206]. Необходимость воплощения сформулированной идеи побудила большевиков установить правовым способом процедуру формирования местных Советов, способную поддерживать контролируруемую сверху циркуляцию элит.

Для создания максимально приближенной к населению власти большевики предоставили сельским поселениям с численностью населения не менее трехсот жителей право на учреждение сельских Советов со статусом высших органов власти в пределах их ведения и в границах обслуживаемых ими местностей. Количество депутатов в сельском Совете не могло превышать 50 чел., при этом норма представительства определялась из расчета один депутат от ста сельских жителей. Сельские Советы подчинялись всем вышестоящим органам и были обязаны исполнять их постановления, а также содействовать командированным в селения представителям власти в выполнении порученного им дела. На плечи депутатов возлагался большой груз ответственности за реализацию полномочий в таких областях, как управление, хозяйственная и военная деятельность, продовольственное снабжение, проведение трудовой повинности, народное образование и здоровье, социальное обеспечение, культурное развитие и порядок. Представительная деятельность предполагала периодическую отчетность народных избранников перед избирателями. Причем членов сельских Советов могли привлечь к ответственности по всей строгости революционных законов за неподчинение вышестоящим органам, неаккуратное исполнение постановлений советской власти, бездеятельность, злоупотребление властью, превышение полномочий, грубое обращение с населением. Последнее ограничение являлось принципиальным, т. к. большевистское правительство рассчитывало получить от крестьян ресурсы, необходимые для налаживания новой жизни. Подтверждением этому выступает перечень лозунгов тех лет, среди которых можно выделить следующий призыв: «Хлеба и дров просит у тебя, крестьянин, Советская Россия!» Постепенное улучшение условий жизни местного сообщества и предписанная нормативными актами открытость местной власти, по мнению большевиков, могли благоприятно сказаться на вовлечении трудящихся в строительство социализма [11, ф. 2, оп. 1, д. 139, л. 81–82, 101].

Полномочия по общему руководству, контролю и объединению деятельности сельских Советов в пределах волости осуществлялись волисполкомом, которому был предоставлен статус высшего органа власти в установленных предметах ведения и в границах волости на период между работой волостного

съезда Советов. Количество членов волисполкома определялось численностью жителей волости. Первоначально выборы в волисполком проводились два раза в год. Волисполкомы были обязаны прилагать усилия к реализации постановлений высших органов советской власти, объединяя вокруг себя сельский пролетариат, деревенскую бедноту и среднее крестьянство. Предметы ведения волисполкомов включали разные направления деятельности, предполагавшие взаимодействие с вышестоящими инстанциями и населением, охрану революционного порядка, содействие развитию и поднятию сельского хозяйства, защиту лесов, снабжение потребителей топливом и строительными материалами, создание культурно-просветительских учреждений, устранение национальной вражды, борьбу с эпидемиями, благоустройство и санитарную обработку территорий, предоставление пособий, проведение военной и трудовой мобилизации, сбор продуктов по разверстке, борьбу со спекуляцией, составление смет, содействие деятельности экономических органов [11, ф. 2, оп. 1, д. 139, л. 81].

В преддверии событий периода нэпа большевики стали проводить разъяснительную работу относительно пересмотра приоритетов социалистической революции в связи с завершением гражданской войны в России. Ликвидация военных фронтов обусловила главенство трудового внутреннего фронта, стратегическими задачами которого выступали борьба с хозяйственной разрухой, восстановление производства, электрификация [11, ф. 2, оп. 1, д. 33, л. 14, 18].

Под первостепенным условием возрождения промышленности весной 1921 г. понимали укрепление крестьянских хозяйств, способствовать которому должны были, во-первых, уменьшенный по сравнению с системой разверстки продналог, во-вторых, восстановление товарного рынка [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 9–10]. Смысл перехода к продналогу В. И. Ленин предельно понятно пояснил: «Мы все еще так разорены, так придавлены гнетом войны, что не можем дать крестьянину за весь нужный нам хлеб продукты промышленности. Зная это, мы вводим продналог, т. е. минимально необходимое (для армии и для рабочих) количество хлеба берем как налог, а остальное будем обменивать на продукты промышленности» [12, с. 37]. Таким образом, большевики полагали, что функционирование в советской экономике товарного хозяйства мелких и крупных частных промышленников, действующих на правах аренды и представляющих иностранный капитал, а также крупной промышленности и железных дорог, «находящихся в руках пролетарского государства», вынудит крестьян поставлять хлеб в большем количестве по сравнению с расчетными показателями по продналогу [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 10].

Найденный советской властью способ восстановления аграрного и промышленного секторов экономики был адекватен темпам роста промышленной и сельскохозяйственной продукции. Если уровень промышленного производства в 1920 г. по сравнению с 1913 г. был более чем в четыре раза ниже, то сельскохозяйственное производство в 1920 г. уступало довоенному уровню одну третью часть. Для осуществления выбранного сценария развития требовались благоприятное международное положение, хорошие будущие урожаи и умение «хозяйственных органов советской республики конкурировать на русском рынке с частным капиталом» [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 10]. Спецификой советской экономики тех лет являлось «расхождение между ценами на хлеб и промышленными ценами», сложившееся в пользу хлебной продукции [12, с. 37]. В 1921 г. были сняты отдельные ограничения, установленные в сфере денежного обращения. Организации и частные лица получили возможность использовать неограниченное количество денежных знаков, законно циркулирующих на территории РСФСР. В 1920–1921 гг. в обращении находились расчетные знаки РСФСР с номинальной стоимостью от рубля до 10 тыс. рублей [14, ф. р-234, оп. 1, д. 1, л. 91, 323].

Аграрный сектор советской экономики в начале 1920-х гг. не справлялся с растущим спросом на продовольствие. РСФСР искала пути преодоления голода 1921 г., свирепствовавшего во многих губерниях и областях страны. Только в Поволжье голодало население пятнадцати губерний. При ЦК РКП(б) была образована Центральная агитационная комиссия по борьбе с голодом, уполномоченная увязать причины голода с алчностью буржуазии и отсталостью сельскохозяйственного производства [11, ф. 2, оп. 1, д. 135, л. 7, 9]. Площадками для проведения разъяснительной работы были выбраны съезды, конференции, совещания, которые являлись неотъемлемой формой работы Советов разных уровней власти. Среди лозунгов, актуализирующих борьбу с голодом, был призыв формировать денежный фонд, изыскивая средства внутри страны и за границей. Апеллирование к помощи зарубежных стран предопределялось масштабами бедствия. Пессимистический прогноз тех лет содержал предостережение, что «если не помочь в этом году, то даже урожай 1922 г. не спасет от голода центр России» [11, ф. 2, оп. 1, д. 135, л. 9].

Продовольственная проблема усугублялась невосприимчивостью крестьян к распространявшемуся призыву: «Как можно скорей сдай продналог и сдай его полностью» [11, ф. 2, оп. 1, д. 135, л. 9]. Угроза голода побуждала крестьян искать способы минимизации продналога, устанавливаемого налоговыми инспекторами, в то время как пролетарское государство мобилизовало судебные органы для пресечения нарушений в налоговой сфере.

Соприкоснувшись с негативной стороной нэпа позволяют материалы следственных дел, содержащие первичную информацию для исследований по вопросам моральной статистики, отражающей степень распространенности проявлений социальной патологии. На территории Глазовского уезда ВАО материалы дел о фактах уклонения крестьян от сдачи продналога рассматривались выездной сессией налогового отдела революционного трибунала области [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 1]. По данным отчета Областной комиссии помощи голодающим за период с августа 1921 г. по январь 1922 г., шесть волостей Глазовского уезда были отнесены к сельским районам второй очереди, из числа нуждающихся в продовольственном снабжении территорий, и десять – к третьей очереди [13, с. 124]. Население волостей, признанных благополучными по урожаю, не могло рассчитывать на первоочередную гуманитарную помощь и привлекалось к ответственности по суду за недоимки по продналогу.

Обратимся к решениям трибунала, разбиравшего в ноябре 1921 г. дела крестьян Балезинской, Гыинской, Еловской, Понинской и Юсовской волостей Глазовского уезда, включавшего до 8 декабря 1921 г. 30 волостей ВАО [9, с. 35]. Здесь многие обвиняемые в отступлении от налогового законодательства были признаны виновными. В зависимости от тяжести содеянного трибунал приговорил их к принудительным работам и лишению свободы, во многих случаях условному, сроком от трех месяцев до двух лет. Сокрытые продовольственные запасы, скот подлежали немедленной конфискации. Принудительные работы, предусмотренные трибуналом в качестве наказания, следует рассматривать как отголосок всеобщей трудовой повинности, введшейся в период с 1919 по 1920 г. из-за тяжелого финансового положения РСФСР [12, с. 27].

Сначала обратим внимание на судебные дела неграмотных крестьян, т. к. отсутствие навыков чтения и письма могло быть причиной допущенных в налоговой сфере нарушений. Сопоставление материалов восьми дел показало, что неграмотные крестьяне, находившиеся в возрасте от 35 до 62 лет, были направлены на принудительные работы.

Приведем конкретные примеры, иллюстрирующие отношение советской власти к нарушителям налогового права. Сельского жителя из поч. Страла Юсовской волости Е. А. Вихарева, утаившего корову, чтобы избежать налога на мясо, трибунал обязал сдать корову государству и приговорил к трем месяцам заключения [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 14]. Упорно уклонявшегося от сдачи налога на хлеб, картофель, яйца крестьянина И. Г. Бронникова из д. Быдчимшур Балезинской волости по решению суда лишили свободы на шесть месяцев условно, реквизируя из его хозяйства корову в счет недоимок по продналогу [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 1]. Крестьянин С. А. Ардашев, проживавший в д. Седьяр Балезинской волости, получил год условно за сокрытие двух коров, осуществленное во время регистрации крупного рогатого скота для освобождения от налога на мясо и масло. К тому же из крестьянского хозяйства принудительно изымалась корова и взыскивался налог на мясо и молоко, рассчитанный с трех голов крупного рогатого скота [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 2]. Его односельчанин А. С. Ардашев, спрятавший от налоговых органов корову, должен был условно отбыть шестимесячный срок заключения и сдать корову государству [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 3]. Кара правосудия для крестьянина из с. Балезино Д. С. Калинина, не поставившего на учет корову и овцу, означала неизбежность конфискации припрятанного скота и условного ограничения свободы в течение года [11, ф. 2, оп. 1, д. 6,

л. 5]. Представитель д. Шактарово Понинской волости Н. С. Тухтарев по решению трибунала был привлечен к ответственности в виде года условного заключения за уклонение от продналога на хлеб и масло [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 6]. От налоговых инспекторов крестьяне утаивали пчел и улья. Так, крестьянин из поч. Павлятский Юсовской волости Н. А. Гавшин, сокрывший улья, три из которых принадлежали ему, а пять – соседям, был приговорен к году условного ограничения свободы, а также получил предписание в трехдневный срок уплатить в Глазовское казначейство 500 тыс. руб. [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 12]. Среди нарушений, совершенных неграмотными крестьянами, судом была выявлена незаконная торговля продовольствием. За торговлю маслом, нарушавшую установленный запрет, и попытку спрятать корову из-за стремления уйти от налога на мясо крестьянка из поч. Белоусовский Юсовской волости Т. Ф. Буличова была лишена коровы и произведенного топленного масла [11, ф. 2,

оп. 1, д. 6, л. 10]. Собственно говоря, тогдашняя жестокость судебной системы предопределялась катастрофичностью продовольственного положения, поэтому неграмотность подсудимого не рассматривалась в качестве весомого обстоятельства для смягчения приговора за допущенные нарушения по сдаче продналога.

Не менее серьезные проступки, исходя из решений трибунала, совершили грамотные крестьяне. В частности, попытка жителя с. Каменно-Заделье Балезинской волости С. Ф. Блинова сдать в счет продналога недоброкачественное масло обернулась для него принудительными работами, конфискацией коровы и лишением свободы на год условно [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 4]. В некоторых случаях по одному судебному разбирательству проходили главы разных крестьянских хозяйств, совершившие однородные преступления. Пять жителей д. Доронятская Юсовской волости, носившие фамилию Сабуровы, попытались скрыть от учета пять коров, быка, семь овец, свинью. Установленное для двух Иванов, Григория, Трофима и Тимофея наказание состояло из года условного ограничения свободы, принудительных работ и обязанности выплатить налог в двойном размере за укрытый от обложения скот [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 16].

Из вышеизложенного материала судебных дел следует, что ответственность за нарушения по сдаче продналога возлагалась и на женщин. Крестьянка Е. Ф. Сабурова из поч. Аброятский Юсовской волости обвинялась в умышленном сокращении посевных площадей, отказе от уплаты налога на хлеб, хотя, согласно показаниям свидетелей, была в состоянии заплатить налог. По решению трибунала земледельческое хозяйство подсудимой сокращалось на три десятины, которые переходили в ведение земельного подотдела для дальнейшего перераспределения земли между нуждающимися крестьянами. Кроме того, государство взыскивало налог на хлеб и отбирало корову [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 9].

В числе нарушителей налогового законодательства были ответственные работники сельских Советов, волисполкомов, возраст которых колебался в пределах от 17 до 48 лет. Проходившие по налоговому делу руководители сельских Советов не умели ни читать, ни писать, тогда как председатели и секретари волисполкомов владели грамотой. Таковы в общих чертах характеристики работников местных Советов, привлеченных к ответственности за налоговые нарушения. Проанализируем отдельные прецеденты.

Председатель Сюртомовского сельского Совета Юсовской волости А. Л. Вихарев, выступавший свидетелем по факту утаивания коровы жителем поч. Страла Ф. Ф. Казаковым, получил шесть месяцев тюремного заключения с принудительными работами за дачу ложных показаний [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 15]. Другой сельский председатель той же волости из поч. Обоевский В. Ф. Вихарев за уклонение от налога на масло и яйца был приговорен к принудительным работам и лишению свободы на год условно [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 13].

О серьезной ответственности, возлагавшейся на плечи секретарей волисполкомов, свидетельствует решение трибунала, по которому секретаря Юсовского волисполкома К. У. Конева обвинили в бездействии при сборе продналога и неаккуратном исполнении должностных обязанностей. Наряду с обвинением в должностном преступлении, ему вменили в вину уклонение от уплаты продналога и прибавление лишнего едока. Трибунал приговорил виновного, признанного платежеспособным, к двум годам ограничения свободы с принудительными работами и постановил осуществить немедленное взыскание налога на хлеб [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 8].

Председатель Гыинского волисполкома Ф. Д. Максимов был обвинен в бездействии за невыполнение «боевого» приказа Уездного продовольственного совещания по сбору продналога на картофель. Трибунал установил, что председатель знал содержание приказов и инструкций продовольственного органа, поэтому манкирование должностными обязанностями было квалифицировано как преступление, совершенное перед Рабоче-крестьянским правительством. Бывшего председателя волисполкома, жителя д. Новая Гыя приговорили к году условного заключения и принудительным работам [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 11].

Протоколы народного судьи показывают, что советская власть в начале 1920-х гг. в связи с очередной годовщиной Октябрьской революции смягчала приговор за наказуемые деяния, совершенные в области налогообложения. По делу о приписках лишних едоков, предпринятых с целью освобождения от налога на хлеб, масло и яйца, проходили десять крестьян поч. Левина Гарь Юсовской волости с фамилией Бузмаковы: два Василия, Тимофей, Харитон, Ефрем, Аграфена, Борис, Карп, Николай, Трофим. Один из них добавил двух лишних едоков, остальные – по одному. Председателя Юсовского волисполкома Я. Л. Бузмакова осудили за бездействие и сокрытие преступления. Однако

от наказания, предполагавшего принудительные работы и шесть месяцев лишения свободы, он был освобожден по амнистии ВЦИК, объявленной ко Дню 4-й годовщины Октябрьской революции. Уличенные в приписках дополнительных едоков крестьяне поч. Левина Гарь были приговорены к принудительным работам. Все, за исключением одного, чье наказание составило шесть месяцев, получили год условного ограничения свободы. В добавление крестьянам предписывалось выплатить причитающиеся на их хозяйства налоги, причем четверым – в двойном размере [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 17].

Шесть ответственных работников Еловской волости трибунал признал виновными в подлоге и незаконной передаче в личное потребление муки с местного ссыпного пункта. Проходившие по делу председатель волисполкома И. В. Дерябин, зав. волостным перемолом М. П. Плюснин и старший милиционер К. П. Сухих первоначально получили наказание в виде года ограничения свободы с принудительными работами, при этом последний обвинялся в содействии преступной группе. Другие участники преступления (секретарь волисполкома Ф. Г. Князев, налоговый инспектор А. А. Мусихин и член волисполкома Г. Н. Суворов) приговаривались к двум годам лишения свободы с отбыванием исправительных работ. Бывшего секретаря Еловского волисполкома Князева признали виновным в неподчинении распоряжениям Глазовского уездного продовольственного комитета и даче незаконных распоряжений, обусловивших задержку отправки собранной по продналогу муки из ссыпного пункта. Но приговор, вынесенный для Князева, Мусихина, Суворова, был смягчен до года заключения в связи с 4-й годовщиной пролетарской революции. По этой же причине их соучастники были полностью амнистированы [11, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 7].

Привлечение председателей сельских и волостных советов к уголовной ответственности за бездействие в деле собирания продналога можно считать практикой, апробированной еще в период «военного коммунизма», когда существовала государственная хлебная монополия, и применялось чрезвычайное налогообложение. В 1919 г. члены продотделов, высказывали опасение, что в силу категоричности требований Глазовского уездного продовольственного комитета «их арестуют за невыполнение наряда» [11, ф. 2, оп. 1, д. 34, л. 147].

Случаи сокрытия руководителями волисполкомов фактов уклонения от сдачи продналога в полном объеме следует связать с тяжелым положением крестьянских семей и неоднозначно воспринимавшимся опытом деятельности продотрядов, которые на завершающем этапе политики «военного коммунизма» беспрепятственно свозили хлеб из удмуртских деревень на ссыпные пункты Елабуги, Малмыжа, Сарапула, т. е. в городские поселения регионов, являвшихся сопредельными по отношению к территории ВАО, находившейся в тот период в стадии формирования [6, с. 112]. Позиция руководителя автономной области И. А. Наговицына, содействовавшего вывозу хлеба из региона, была продиктована решениями X съезда РКП(б), в т. ч. очередными задачами большевиков в национальном вопросе, провозглашенными И. В. Сталиным 10 марта 1921 г. В своем докладе нарком по делам национальностей обвинил некоторых коммунистов нерусского происхождения в местном национализме, заявив, что они не умеют «иногда отличить классовые интересы трудовых масс своего народа от так называемых "общенародных" интересов» [10, с. 40].

Широко распространившаяся практика уклонения крестьян от выплаты продналога побудила большевиков начать работу по целенаправленному введению в состав местных Советов коммунистов. В частности, Глазовским уездным комитетом партии в марте 1922 г. намечалось проведение кампании по избранию коммунистов в Советы сельского и уездного масштабов для обеспечения их численного превосходства в советских учреждениях [11, ф. 2, оп. 1, д. 33, л. 130]. Организационный отчет ЦК РКП(б), подготовленный к XIII съезду партии (1924), содержит статистику о численности коммунистов в руководящих органах РСФСР, согласно которой в сельских Советах большевики составляли более 7 %, волисполкомах – 48 % [10, с. 200].

Для выявления социально-демографических и социально-профессиональных характеристик работников волисполкомов Глазовского уезда были изучены анкеты, заполненные в 1924 г. членами РКП(б) и кандидатами в члены партии, представлявшими постоянное население уезда. Из содержания анкет следует, что на момент их заполнения 12 чел. из 28 имели опыт работы в местных Советах. Глазовский уезд в то время включал в себя девять волостей упраздненного 26 ноября 1923 г. Дебесского уезда, в т. ч. Дебесскую, Зуринскую, Игринскую, Поломскую, Тольенскую волости [9, с. 35]. Обратим внимание на отдельные характеристики сторонников большевиков с опытом работы в Советах. Все они имели крестьянское происхождение и говорили на двух языках: русском и удмуртском. Владение удмуртским языком подтверждает их принадлежность к читателям газеты «Гудыри», изда-

вавшейся на национальном языке. Возраст приобщенных к советской и партийной работе соответствовал диапазону от 21 до 36 лет. Состав семьи не превышал девяти чел., при этом земельные участки, представлявшие собой семейную собственность, варьировались в пределах от 5 до 14 десятин. Среди осознающих задачи и функции Советов были участники войн: первой мировой и гражданской. Трое из четырех военнослужащих русской армии участвовали в гражданском противостоянии на стороне красных. Всего демобилизовалось из Красной армии восемь чел.

Рассмотрим биографические данные работников волисполкомов Глазовского уезда. Председатель Зуринского волисполкома И. С. Лекомцев в 1923 г. стал кандидатом в члены РКП(б). Он являлся уроженцем д. Сеп Зуринской волости, окончившим двухклассное училище. В 1921 г., через два года после вступления в РКСМ, его избрали секретарем волисполкома, а в 1923 г. ему, находившемуся в возрасте 20 лет, доверили пост председателя волисполкома. Перспективный советский работник жаждал почерпнуть научные знания в области сельского хозяйства [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 80–81]. Образование другого председателя волисполкома из д. Лозо-Люк Поломской волости также соответствовало программе двухклассной школы. П. Р. Каракулов три раза избирался в волисполком и в 1924 г. стал кандидатом в члены РКП(б). Имел желание поступить на службу в органы земледелия [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 90–91].

Членом волисполкома был уроженец д. Леваньгурт Дебесской волости К. П. Максимов, освоивший программу начальной школы за три года. С 1920 г. он состоял в РКП(б) и со временем получил опыт пассивного участия в работе волостных съездов [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 104–105]. Большую активность в политической жизни проявил выходец из д. Лесагурт Тольенской волости В. К. Хохряков. С 1922 г. ему как члену волисполкома приходилось делать доклады на волостных съездах, имея за плечами четырехклассную школу. Большевик был знаком с материалами брошюр по организации партийной работы и свое будущее мечтал связать с системой просвещения или службой в милиции [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 86–87]. Отмеченное стремление состоять на службе в советском учреждении не имело всеохватывающего характера. Так, большевик с 1918 г., член волисполкома П. П. Салтыков, родившийся в д. Бедколуд Игринской волости, отвечая на вопросы анкеты, указал: «Служить не где не желаю» [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 52–53].

Опыт работы в волисполкоме имел уроженец Пышкетской волости М. И. Сысоев. В юности он получил низшее образование, позже, находясь на службе в Красной армии, освоил программу школы командного состава, а после демобилизации учился политграмоте в Екатеринбурге. В 1923 г. стал кандидатом в члены РКП(б) [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 126–127]. Выходец из д. Наговицино Балезинской волости Н. Г. Калинин работал в волисполкоме шесть мес. Начальное образование помогло ему пройти кооперативно-счетоводческие курсы в г. Глазове, однако полученные знания не уберегли от следствия, проводившегося по обвинению в неправильном сборе налога. Кандидат в члены РКП(б) проводил просветительскую работу с населением, опираясь на материалы газеты «Гудыри». В анкете отметил, что был вынужден осуществлять дополнительную подготовку к публичному прочтению печатного издания из-за того, что тексты статей были написаны для него «непонятным языком» [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 56]. Подобный отзыв о языке газеты «Гудыри» дал член волисполкома, выходец из д. Заречная Медла Дебесской волости П. П. Иванов, указавший на постепенную утрату интереса к периодическому изданию из-за незнания отдельных слов на удмуртском языке. В совокупности он учился восемь лет в разных учебных заведениях, в т. ч. окончил Советский партийный университет. Являясь членом партии большевиков с 1922 г., питал интерес к общественным наукам и относил себя к служащим [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 108–109]. Усилившийся отток сельского населения в города predetermined депутатство в городском Совете уроженца д. Дебесы А. И. Малых, вступившего в партию большевиков в 1923 г. [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 106–107].

Сопоставимыми характеристиками обладали члены уездных советских органов. Крестьянин Н. Г. Лекомцев, родившийся в поч. Чергашур Дебесской волости, два раза, в период с 1922 по 1923 г., избирался в уездный исполком. Член РКП(б) с 1920 г. имел начальное образование и обладал знаниями, полученными на командных курсах [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 112–113].

Из виз, представленных на анкетах крестьян Глазовского уезда, разделявших позицию РКП(б), следует, что ответственные партийные работники планировали использовать их потенциал на советской работе преимущественного волостного масштаба. Например, выходец из д. Курвыж Поломской волости В. И. Дементьев был рекомендован как рядовой волостной работы, хотя в волостной исполком избирался два раза, в уездный – три. С познаниями, почерпнутыми в двухклассной школе, в ян-

варе 1924 г. он стал кандидатом в члены РКП(б) и был готов заниматься кооперацией или служить в милиции [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 46–47].

Изучение анкет, разработанных для учета членов и кандидатов РКП(б), показало, что большевики уделяли пристальное внимание кадровому вопросу. Некоторые члены партии были отобраны для работы уездного масштаба. Например, родившийся в д. Дзякино Уканской волости Д. И. Ельцов, несмотря на начальное образование и факт прохождения службы в царской армии, был признан партийными функционерами работником уездного уровня, которого целесообразно использовать по юридической линии. К его преимуществам относились членство в партии с 1919 г., опыт работы в Зуринском волисполкоме, способность актуализировать информацию прочитанных книг и публикаций газеты «Гудыри», намерение окончить юридические курсы и поступить на службу в судебные органы [11, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 100–101].

Итак, рассмотренные биографические данные работников волисполкомов Глазовского уезда ВАО позволяют сделать вывод, что в первую половину 1920-х гг. система Советов в сельской местности воспринималась населением как приближенная к народу власть, т. к. доступ в нее был открыт для крестьян. Материалы судебных дел свидетельствуют о неоднозначной позиции руководителей волисполкомов по вопросу налогообложения крестьян в условиях голода 1921 г. Стремление уберечь односельчан или жителей деревень, расположенных в волости, в некоторых случаях побуждало председателей волисполкомов закрывать глаза на неточность учета производительности крестьянских хозяйств, осуществлявшегося для исчисления продналога. Анализ документов выявил обеспокоенность руководства РКП(б) низким уровнем политической сознательности председателей и секретарей волисполкомов, что побудило большевиков прилагать усилия к выдвижению в волостные и уездные советские органы членов РКП(б) и кандидатов в члены партии. Важным результатом исследования является подтверждение подчиненного характера сельских Советов и волисполкомов по отношению к вышестоящим партийным и государственным институтам. За Советами на местах закреплялись функции проводников политики партии большевиков и советского правительства. Знание представителями местных Советов ВАО русского и удмуртского языков позволяло им разъяснять государственную политику, применяя родной для удмуртских крестьян язык. Установлено, что среди удмуртских крестьян были активисты, готовые трудиться в советских учреждениях, получать новые знания, совершенствовать свой образовательный потенциал.

СПИСКО ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анфертьев И. А.* Модернизация советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП(б) – ВКП(б) как инструменты борьбы за власть. М.: ИНФРА-М, 2022. 593 с.
2. *Бехтерева Л. Н.* Торговля и предпринимательство Удмуртии в период новой экономической политики (1921–1929 гг.). Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2008. 272 с.
3. *Буров А. Н.* Местное самоуправление в России: исторические традиции и современная практика. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2000. 224 с.
4. *Говоренкова Т. М.* Читаем Велихова вместе. М.: РИЦ «Муниципальная власть», 1999. 322 с.
5. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Изд-во полит. литературы, 1981. С. 165–208.
6. Новая экономическая политика / О. И. Васильева, Л. Н. Бехтерева, И. К. Калинин // История Удмуртии: XX век / под ред. К. И. Куликова; введение О. И. Васильевой, Л. Н. Бехтеревой, Н. А. Родионова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. С. 93–155.
7. *Попов В. К.* Деятельность партийных и советских органов Удмуртии по преодолению стихийных бедствий в 1921–1923 гг. // Вопросы истории Удмуртии. Вып. 3. Ижевск: Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР, 1975. С. 131–150.
8. *Родионов Н. А.* Зарубежные связи Удмуртии. Становление и эволюция. XIX–XX вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. 377 с.
9. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. / науч. ред. А. А. Тронин. Ижевск: Удмуртия, 1995. 744 с.
10. *Сталин И. В.* Сочинения. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. литературы, 1947. Т. 5. 1921–1923. 446 с.; Т. 6. 1924. 430 с.
11. Филиал ГКУ «ЦГА УР» – Государственный архив общественно-политической истории (ГАОПИ). Ф. 2. Глазовский уездный комитет РКП(б).
12. Финансовое оздоровление экономики: опыт нэпа: сб. / сост. А. И. Казьмин. М.: Моск. рабочий, 1990. 256 с.
13. Хрестоматия по истории Удмуртии. В 2-х томах / Комитет по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики. Т. 2. Документы и материалы. 1917–2007. Ижевск, 2007. 772 с.

14. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-234. Финансовый отдел Удмуртского областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1921–1934 гг.).

Поступила в редакцию 30.04.2022

Клецкина Ольга Геннадьевна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: gi_ru@mail.ru

O.G. Kletschina

**POLITICAL ACTIVITY AND FISCAL RESPONSIBILITY OF THE PEASANTS
OF NATIONAL OUTSKIRTS OF THE RSFSR IN THE FIRST HALF OF THE 1920s
(A CASE OF GLAZOVSKY DISTRICT OF THE VOTSKAYA AUTONOMOUS REGION)**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-6-1232-1241

The article is an attempt to identify the general characteristics of the participation of peasants in the political life initiated by the Bolsheviks within the boundaries of rural settlements, volosts of the Glazov district of the Votskaya Autonomous Region. The author of the article reveals the socio-economic context of the functioning of village councils and volost executive committees in the first half of the 1920s. The materials of the study show the ambiguous attitude of the peasants towards the Soviet power. Archival sources testify to the widespread practice of peasants evading the payment of the established food tax. Violations of the tax legislation by the peasants and chairmen of the volost executive committees were perceived by the Soviet power as manifestations of social pathology and were considered by the tribunal. The behavior of the peasants, condemned by the authorities, was dictated by the desire to survive in the famine of 1921. The nomination of peasants who were members of the RCP(b) to the volost executive committees was carried out to improve the effectiveness of public administration. The final generalizations are formulated by the author on the basis of an analysis of historical facts related to the territory of the Glazov district.

Keywords: Bolsheviks, famine, executive committee, peasantry, food tax, tribunal.

REFERENCES

1. *Anfertiev I. A.* Modernizaciya Sovetskoj Rossii v 1920-e – 1930-e gody: programmy preobrazovanij RKP(b) – VKP(b) kak instrumenty bor'by za vlast' [Modernization of Soviet Russia in the 1920s – 1930s: programs of transformations of the RCP(b)–VKP(b) as tools for the struggle for power]. Moscow, “INFRA-m” Publ., 2022, 593 p. (In Russian).
2. *Bekhtereva L. N.* Torgovlya i predprinimatel'stvo Udmurtii v period novej ekonomicheskoj politiki (1921–1929 gg.) [Trade and entrepreneurship in Udmurtia during the period of the new economic policy (1921–1929)]. Izhevsk, Ed. of the Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2008, 272 p. (In Russian).
3. *Burov A. N.* Mestnoe samoupravlenie v Rossii: istoricheskie tradicii i sovremennaya praktika [Local self-government in Russia: historical traditions and modern practice]. Rostov n/D, Rostov University Press, 2000, 224 p. (In Russian).
4. *Govorenkova T. M.* Chitaem Velikhova vmeste [Let's read Velikhova together]. Moscow, RIC Municipal Power Publ., 1999, 322 p. (In Russian).
5. *Lenin V. I.* Polnoe sobranie sochinenij. T. 36. [Complete works. Vol. 36]. Moscow, Publishing house of political literature, 1981, pp. 165–208. (In Russian).
6. *Novaya ekonomicheskaya politika / O. I. Vasil'eva, L. N. Bekhtereva, I. K. Kalinin* [New Economic Policy / O. I. Vasilyeva, L. N. Bekhtereva, I. K. Kalinin]. Istoriya Udmurtii: XX vek / pod red. K. I. Kulikova; vvedenie O. I. Vasil'evoj, L. N. Bekhterevoj, N. A. Rodionova [History of Udmurtia: XX century / ed. K. I. Kulikov; introduction by O. I. Vasilyeva, L. N. Bekhtereva, N. A. Rodionov]. Izhevsk, Ed. of the Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005, pp. 93–155. (In Russian).
7. *Popov V. K.* Deyatel'nost' partijnyh i sovetskih organov Udmurtii po preodoleniyu stihijnyh bedstvij v 1921–1923 gg. [The activities of the party and Soviet bodies of Udmurtia to overcome natural disasters in 1921–1923]. Voprosy istorii Udmurtii. Vypusk 3. [Issues of the history of Udmurtia. Issue 3]. Izhevsk, Ed. of the Udmurt Research Institute of His-

- tory, Economics, Literature and Language under the Council of Ministers of the Udmurt ASSR, 1975, pp. 131–150. (In Russian).
8. *Rodionov N. A. Zarubezhnye svyazi Udmurtii. Stanovlenie i evolyuciya. XIX–XX vv.* [Foreign relations of Udmurtia. Formation and evolution. 19th–20th centuries]. Izhevsk, Ed. of the Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1999, 377 p. (In Russian).
 9. *Spravochnik po administrativno-territorial'nomu deleniyu Udmurtii. 1917–1991 gg.* / nauch. red. A. A. Tronin [Reference book on the administrative-territorial division of Udmurtia. 1917–1991 / scientific ed. A. A. Tronin]. Izhevsk, “Udmurtiya” Publ., 1995, 744 p. (In Russian).
 10. *Stalin I. V. Sochineniya.* T. 5, 1921–1923. T. 6, 1924 [Works. Vol. 5, 1921–1923. Vol. 6, 1924]. Moscow, OGIZ, State Publishing House of Political Literature, 1947, 446 p. 430 p. (In Russian).
 11. *Filial GKU “CGA UR” – Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii (GAOPI)* [The branch of the GKU “TsGA UR” is the State Archive of Socio-Political History (GAOPI)]. Fond 2. Glazovskij uezdnyj komitet RKP(b) [Fund 2. Glazov Uyezd Committee of the RCP(b)]. (In Russian, unpublished).
 12. *Finansovoe ozdorovlenie ekonomiki: opyt nepa: sbornik / sostavitel' A. I. Kaz'min* [Financial recovery of the economy: the experience of the NEP: collection / compiled by A. I. Kazmin]. Moscow, “Moskovsky Rabochiy” Publ., 1990, 256 p. (In Russian).
 13. *Hrestomatiya po istorii Udmurtii. V 2-h tomah / Komitet po delam arhivov pri Pravitel'stve Udmurtskoj Respubliki.* T. 2. Dokumenty i materialy. 1917–200 [Reader on the history of Udmurtia. In 2 volumes / Committee for Archives under the Government of the Udmurt Republic. Vol. 2. Documents and materials. 1917–2007]. Izhevsk, 2007, 772 p. (In Russian).
 14. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki (CGA UR)* [Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR)]. Fond R-234. Finansovyj otdel Udmurtskogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta Soveta rabochih, krest'yanskih i krasnoarmejskih deputatov (1921–1934 gg.) [Fund R-234. Financial Department of the Udmurt Regional Executive Committee of the Council of Workers', Peasants' and Red Army Deputies (1921–1934)]. (In Russian, unpublished).

Received 30.04.2022

Kletskina O. G., Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanities
 Udmurt State University
 Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
 E-mail: gi_ru@mail.ru